ДБ 150 М69
Михайлов В. "Резиновые шины" М. 1920.

Российская Социалистич. Федеративная Совет. Республика.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

В. Михайлов.

РАЗИНОВЩИНА.

Государственное Издательство.

Москва, 1920 г.

Российская Социалистич. Федеративная Совет. Республика.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ДБ
150
М 69

В. Михайлов.

РАЗИНОВЩИНА.

~~6900~~
947
М68.

Государственное Издательство.

Москва, 1920 г.

615353

Разинщина.

I.

Эпоха смутного времени, явившаяся результатом борьбы угнетенных классов Московского государства против привилегированных, эту борьбу усилила, придала ей характер классовой вражды, которая не могла быть уничтожена никакими гонениями со стороны бояр, приказных людей и купцов.

После смутного времени эта борьба стала развиваться в значительной мере под давлением внутренней политики правительства и административного произвола всякого рода чиновников и царевых „верных слуг".

Правительство, желая пополнить разоренную смутою „царскую казну",—пред'явило к обнищавшему народу в области налогов и податей совершенно непосильное требование; налоги и подати делались еще более непосильными вследствие злоупотреблений алчной царской администрации—воевод и приказных.

Такое положение вещей не могло не обострить возмущения трудящихся по отношению к их врагам, и с течением времени это враждебное чувство к боярам, помещикам и другим „царевым слугам" стало переходить в жгучую ненависть, готовую при всяком удобном случае перейти в открытое восстание всех обездоленных и обремененных против своих жестоких притеснителей.

В начале царствования Алексея Михайловича русский народ, измученный произволом крепостников-помещиков и алчностью и жестокостью бояр, поднимал многочисленные восстания в Москве, в Устюге, Сольвычегодске, Новгороде и Пскове, где народу особенно памятными были массовые казни Ивана Грозного, и где у многих в душе ясно жило воспоминание, как и какими средствами царь расправлялся со своим народом.

„Тишайший" царь Алексей Михайлович тоже старался не отставать от своих предков в области усмирения народных восстаний и, не раздумывая, приказывал своим стрельцам и придворной страже расстрелять безоружную толпу, пришедшую однажды в его подмосковную царскую вотчину, в село Коломенское, просить „управ" против народных мучителей—бояр, купцов и вообще служилых людей.

Не довольствуясь расстрелом, Алексей Михайлович приказал тогда из числа участвовавших в депутации в Коломенское повесить 150 человек, а часть депутатов пытать, бить кнутом, жечь каленым железом, а наиболее виновных утопить в реке Москве.

Эта дикая расправа не уничтожила народного недовольства, не „облегчила" его страданий; виселицы, застенки и потопление не смогли заставить миллионы трудящихся русских людей относиться спокойно к гнету со стороны сильных властью и капиталом людей.

Коломенская расправа только усилила революционное настроение в народных массах, которые ждали только удобного случая, чтобы броситься в упорную борьбу со своими вековыми поработителями.

Это революционное настроение народных масс еще усиливалось и росло вследствие попыток помещиков и купцов взять в полную кабалу всех трудящихся.

„Соборное Уложение" Алексея Михайловича, выработанное под влиянием служилого и торгово-промышленного классов и обеспечивающее только их материальные интересы, удалив торгующих крестьян из посадов, дало возможность помещику делать все что угодно, с крестьянином, который, по этому „Уложению", не мог нигде найти защиты от насилий со стороны помещиков, что ухудшило и без того ужасное положение многомиллионного крестьянства.

Все эти условия, создававшие для русского народа невыносимую тяжесть жизни, с каждым годом все больше и больше обостряли народное негодование, подготовляли его сознание к необходимости открытой и упорной борьбы с теми, кто воплощал эти тяжелые условия жизни, т.-е. боярами, купцами, помещиками и пр. людьми, поддерживавшими ради личных выгод этот строй рабства и произвола. Среди этого произвола только одна группа русского населения сумела хоть немного застраховать себя от гнета, в котором задыхался русский народ, это—казачество.

Все недовольные дворянско-помещичьими „порядками" Московского государства, все, кто больше был не в силах мириться с тяжестью рабства, закабалившего трудящийся народ, все обиженные и угнетенные, все вольнолюбивые, все смелые и отважные шли в то время „в казаки", что хоть отчасти избавляло от произвола тогдашних властителей.

В Запорожье, на берегах тихого Дона, на берегах Волги-матушки, Терека и Яика жило казачество, здесь выковывался свободный дух, здесь рождались мечты о свободе и об освобождении всех порабощенных.

Это вольное казачество с его особым укладом жизни, с его независимостью по отношению к московским властям, с его культом идеалов старо-русской вечевой вольницы было тем оазисом, тем маяком, которые манили и влекли к себе со всей России всех, кто не мог мириться с тяжелыми условиями жизни, воцарившимися в стране вследствие произвола дворян, помещиков и купцов.

На Дон, к казакам, бежали тысячи людей, и правительство Алексея Михайловича, обеспокоенное этим, принимало самые различные меры против беглецов, но все это было напрасно, потому что народ ясно понимал, что только на Дону, в обстановке относительной свободы, можно создать то ядро, из которого впоследствии может организоваться сила, способная вступить в бой со своими давнишними врагами. В обстановке свободной казачьей жизни люди нагляднее видели все темные стороны рабской жизни, и в их душах сильнее загоралось желание добиться свободной жизни, освободиться от власти тех, кто держал их ради личных выгод в таком тяжелом положении, в таких бесчеловечных условиях жизни. При наличии таких настроений и таких обстоятельств все обиженные и угнетенные, сосредоточившиеся на Дону и в низовьях Волги, ждали только вождя, который мог бы, объединив их, повести на желанную борьбу за землю и волю.

Таким вождем во второй половине семнадцатого века и стал удалый атаман Степан Тимофеевич Разин.

II.

О детстве и юности Степана Тимофеевича Разина сохрани лось не особенно много подробностей; известно только, что о прошел суровую жизненную школу, видел и голод, и холод, н себе испытал и на других наблюдал и тяжесть бедности, и во те унижения, которым подвергались со стороны богатых необе печенные, трудовые классы донского неселения.

Впечатления тяжелой народной жизни, народных страдани угнетения со стороны богатых и знатных глубоко запали во впе чатлительную душу Степана Тимофеевича и на всю жизнь заста вили его стать пламенным поборником народной воли и упорны противником всех притеснителей трудящихся масс.

Первым выступлением Разина, о котором есть достоверны сведения, на арену борьбы является его попытка отправитьс во главе таких же удальцов, как и он сам, к турецким берега за добычей или, как говорилось в то время у казаков, „за зипу нами" для голодного и бесприютного люда, переполнявшего До

Черкасский атаман Корнило Яковлев воспротивился этому реше нию С. Разина, и он был вынужден вместо турецких берегов отправит ся вверх по Дону, где находилось много богатых казацких селени в которых Разин и его товарищи отнимали имущество у состоятел ных классов и раздавали его всем неимущим, голодным и холодны

Добравшись до места, где Дон сближается с Волгой, Рази заложил там стан, названный Ригой, куда к нему стали сбегат ся со всех сторон люди, готовые по первому „клику" отдат свою жизнь в борьбе за свободное существование.

Пробыв недолгое время в этом стане, сделав запасы воин ского снаряжения и организовав свои отряды „по-казацкому", т. разделив его на десятки и сотни, с начальниками во главе к ждого деления, Разин решил отправиться на Волгу, где его м лодцам могли всегда найтись работа и богатая добыча от тех то говых караванов, которые всегда плыли в большом количест из Нижнего-Новгорода в Астрахань.

При взятии первого богатого каравана С. Т. Разин, отпуск на волю чернорабочих, заявил:

— Вам всем воля, идите себе, куда хотите, силою не ста принуждать быть у себя, а кто хочет итти со мною, будет вол ный казак. Я пришел бить только бояр да богатых господ, а бедными и простыми готов, как брат, всем поделиться.

После нескольких удачных нападений на караваны С. Раз отправился к Царицыну, но не взял его, а только направил во воду, который беспрекословно исполнил все его требования.

Успех восстания Разина привлекал к нему со всех сторо сотни новых людей, и к моменту движения вверх по Волге уже располагал 35-ю стругами с 1500 человек.

Около Черного-Яра С. Разин встретил, разбил и высек м сковского воеводу Беклемишева, а встречным стрельцам заяви

— Здравствуйте, братья. Мститель теперь над вашими му телями, что хуже турок и татар держали вас в неволе, я пр шел даровать вам льготы и свободу, ко мне, братья и дети, и бу те вы так же богаты, как я, если останетесь мне верны и храб

Через Каспийское море рекою Яиком (теперешний Урал) С. Разин достиг Яицкого городка, который и захватил летом 1667 года.

Часть стрельцов, со стрелецким головой Яцыном во главе, „верным слугой" московского царя, была казнена, часть ушла в Астрахань, а остальные присоединились к разиновскому отряду. Все лето С. Разин просидел в Яицком городке, обдумывая планы дальнейшей борьбы отчасти с местными богатыми слоями населения, а главным образом уже с московским правительством, которое, как это ясно понимал Разин, являлось главной причиной того тяжелого положения, в котором находились миллионы трудящегося населения России.

В сентябре С. Т. Разин отправился к устью Волги и здесь разгромил татар, а затем сделал ряд удачных нападений на турецкие суда в Каспийском море.

Калмыки, кочевавшие между Яиком и Волгой, отчасти опасаясь столкновения с отрядами Разина, отчасти сочувствуя его вольнолюбивым замыслам, вступили с ним в дружеские взаимоотношения.

Московское правительство, понимая всю грозную опасность движения Разина, но не имея в то же время достаточных сил для противодействия этому движению, пыталось путем переговоров воздействовать на Разина и заставить его распустить свои отряды.

В ноябре к Разину приехали посланцы с Дона с грамотой от государя, в которой ему предлагалось вернуться „к мирной жизни", под прежнее ярмо помещиков и бояр.

Разин принял посланцев и отпустил их невредимыми, но в воззвании к своим товарищам, ко всем обездоленным определенно заявил о целях и характере начатой борьбы.

„Я иду,—говорил он,—истреблять бояр, дворян и приказных людей, искоренить всякое чинсначалие и власть, установить во всей Руси казачество и учинить так, чтоб всяк всякому был равен".

В это время астраханский воевода Хилков, неудачными действиями которого против Разина было недовольно московское правительство, был смещен, а на его место был назначен князь Прозоровский, на которого Москвой возлагались надежды более успешной борьбы с восстанием Разина.

Воевода Прозоровский попробовал было тоже „увещевать" Разина и для этой цели послал к нему двух посланцев, из которых один был брошен по приказу Разина в воду, а другой вернулся к начальству с сообщением о неудаче в исполнении поручения.

Весною 1668 года С. Разин со своими отрядами ушел в море, а на Дону в это время, по его примеру, стали организоваться новые отряды из обездоленных, которые вступали в открытую борьбу с местными правительственными войсками.

В то время, как отряды Разина разоряли селения и города Дагестанского побережья, лозунги, для осуществления которых выступал Разин, приобретали в народных массах широкое развитие и полное сочувствие.

Семена борьбы за землю и волю, которые являлись в результате разиновских побед, давали богатые всходы и подготовляли для него те кадры новых запасных бойцов, которые впоследствии дали такой успех всему разиновскому восстанию.

Перезимовав в Реште зиму, С. Разин с наступлением весны 1669 года поплыл к восточному берегу Каспийского моря, где и расположился на стоянку на Свином острове.

Здесь летом напал на них персидский флот, который, после упорного боя был вынужден отступить.

Начальник флота Менедыхал спасся, а его сын и красавица-дочь попались в плен, и казакам досталась богатейшая добыча.

В конце августа С. Разин явился в Астрахань и вошел в переговоры с местными властями об установлении дружеских отношений.

Казаки Разина обещали, что сдадут всех пленных персиан, выдадут пушки, отпустят русских служилых людей без задержки.

Местные воеводы хотели-было со свойственной им алчностью присвоить все отнятые разиновцами у персиан товары, но казаки этому решительно воспротивились.

Пользуясь временной передышкой, Разин с товарищами проводил время в пирах, празднествах и катаньях по Волге.

Во время одной из таких увеселительных прогулок по Волге Разин стал на край своего струга, схватил пленницу-персиянку, дочь начальника персидского флота, и бросил в реку со словами: „Возьми, Волга-матушка. Много ты мне дала серебра и золота и всякого добра, наделила честью и славою, а я тебя еще ничем не поблагодарил".

Пока Разин отдыхал в Астрахани, слава о нем, как об удалом атамане и защитнике слабых и угнетенных, все росла и ширилась, пробуждая надежду освобождения в сердцах тех, кто являлся только беспрекословным исполнителем всех желаний бояр, помещиков и служилых людей.

В народной молве Разин превращался в чародея, в которого даже не стреляли царицынские пушки, когда воеводы захотели открыть по казакам огонь.

Отдохнув и попировав в Астрахани, Разин со своими верными товарищами отправился на Дон.

Воеводы с целью предохранить народ от агитации Разина дали ему провожатых и перед отъездом просили, чтобы он по пути никого не звал с собою на Дон и не принимал тех, кто станет к нему приставать в пути.

Придя в Царицын, Разин приказал выпустить арестованных и стал созывать в свои отряды всех не могущих мириться с тем тяжелым гнетом, который царил в то время по всей Руси.

Сотни новых людей пристали к его отрядам, где всем им было обеспечено привольное и вольное житье, и где они имели полную возможность сосчитаться со своими угнетателями и притеснителями.

Астраханский воевода, видя беспрерывный рост разиновских отрядов и его влияние на народ, пред'явил ему требование о выдаче всех „беглых людей", приставших к его вольнице. Удалый атаман страшно возмутился подобным требованием и заявил послу воеводы:

— Как ты смел притти ко мне с такими непочтительными речами, чтоб я выдал друзей своих, которые пристали ко мне ради любви и приятства. Скажи своему воеводе, что я не боюсь ни его, ни кого-нибудь повыше его. Подожди, вот я с ним опять увижусь и поведу расчет. Он теперь надеется на свою

силу и хочет со мной обращаться, как с холопом, когда я от рождения вольный человек.

На пути на Дон С. Разин на острове между Качальницкою и Ведерниковскою станицами устроил город Кагольник, обнес его валом и стал подготовлять свои отряды для новой борьбы.

На дону в это время образовались две власти, два центра, откуда эта власть исходила. Одним центром являлся поставленный Москвою атаман Корнило Яковлев, живший в Черкасске, другим центром был Кагольник, где жил атаман Степан Тимофеевич Разин, поставленный народной волею и на эту волю опиравшийся в своих действиях и поступках.

После Пасхи 1670 года в Черкасск приехал царский посланец, которого казачий круг, состоявший из состоятельной части населения, принял очень почтительно.

На следующий день в Черкасск явился С. Разин и приказал бросить царского посла в реку, а сам стал полновластным хозяином города, везде заводя свои порядки, упраздняя произвол богатых и давая права бедным и обездоленным.

В это время с особенной силой проявилось отрицательное отношение С. Разина к священникам, которых он везде называл „царскими богомольцами“ и характеризовал их деятельность, как направленную против бедных и вообще всех трудящихся слоев населения. Из Черкасска С. Разин отправился вверх по Дону к Паншину,—городку, куда к нему пришел на подмогу Василий Ус, прославившийся своей энергичной борьбой с тульскими и воронежскими помещиками и вотчинниками. В это время в распоряжении С. Разина было около семи тысяч бойцов, из которых главное ядро составляли донские, запорожские и яицкие казаки, а также те „бедные“ люди со всей России, которым было больше не под силу выносить все те мучения и ту тяжелую работу, которую, „с разрешения начальства“, устраивали по всей стране помещики и бояре.

Эта армия бойцов за освобождение русского народа уже позволила Разину предпринять более энергичную и планомерную борьбу с народными притеснителями, которую он и начал осуществлять с этого времени.

III.

Для осуществления задуманного нового плана борьбы С. Разин собрал круг и об'явил, что идет на Царицын. После взятия Царицына и укрепления его С. Разин собравшемуся здесь кругу заявил о своем намерении итти или вверх по Волге уничтожать воевод, немилосердно грабивших народ, или на Москву, против бояр.

В это время стало известно, что сверху на борьбу с Разиным посланы стрельцы, а снизу—солдаты от астраханского воеводы Прозоровского.

Несмотря на большие силы противника, разиновские полки, одушевленные энтузиазмом борьбы за свободу, разбили стрельцов в семи верстах от Царицына, а полки астраханского воеводы, узнав, что они идут против борца за народную волю, перешли на сторону С. Т. Разина.

Для обеспечения своего тыла Разин предпринял поход на Астрахань, где все трудовые элементы были его тайными сторонниками, и город был взят, а начальствующие лица казнены.

В Царицыне и Астрахани Разин ввел казацкое устройство, как наиболее полно обеспечивающее права трудящихся масс населения.

Все жители этих городов были разделены на тысячи, сотни и десятки, с выборными атаманами, есаулами, сотниками и десятниками.

Все общественные дела с этого времени стали решаться выборными—„кругом".

Население этих городов, натерпевшееся от насилий господствующих классов, с разрешения С. Разина, производило суровую расправу со всеми врагами трудящихся, со всеми своими притеснителями, и все имущество богатых было разделено между бедными жителями городов.

Укрывшись на низовьях Волги, С. Т. Разин решил предпринять новый поход, который должен был принести новые успехи, расширить площадь восстания, должен был освободить новые сотни тысяч людей от тяжелого рабства.

В это время к Разину охотно шли все, кто не наживался на рабстве народном, кто не эксплоатировал народного труда, кто не властвовал над народом ради удовлетворения своих властолюбивых страстей.

Кроме казаков и беглых, приходивших к Разину со всех сторон, деятельное участие в восстании принимали также крестьяне, которые частью пополняли его отряды, а главным образом вели партизанскую войну с помещиками, истребляя их помеетья и имущество.

Не только мужики помещичьи, вотчинные, мужики монастырские, дворцовые и тяглые, но и все городское население шло на помощь Разину, помогало ему всем, чем могло, потому что видело в нем народного вождя, могущего дать так всем желанную волю и так всем необходимую землю.

При таком отношении широких народных масс к Разину ему легко было предпринять свой знаменитый поход вверх по Волге.

Разин быстро занял Саратов, утопил воеводу, перебил дворян и приказных людей и ввел в городе казацкое устройство.

В первых числах сентября разиновские отряды уже были под Симбирском, а его сторонники рассеялись по всему государству, всюду с радостью встречаемые и везде находящие деятельную поддержку.

Вследствие больших подкреплений, которые пришли к симбирскому воеводе со стороны Москвы, Разин под Симбирском был разбит и вынужден отступить для организации нового восстания.

Несмотря на неудачи под Симбирском, лозунги восстания, брошенные Разиным в народные массы, находили везде и всюду пламенный отклик.

В Нижегородской, Тамбовской, Пензенской губерниях стали вспыхивить восстания, неспокойно стало даже в Москве, даже до Новгорода и берегов Белого моря долетали вести о Разине, и везде они будили народную волю, звали к борьбе и заставляли поднимать знамя мятежа.

Разиновские лозунги: истребление бояр, дворян и приказных людей, искоренение всякого чиноначалия и власти, установление

по всей Руси вольнолюбивого казацкого устройства и всеобщего равенства,—все это не могло не поднимать на борьбу даже нерешительных, не могло не заставлять тысячи людей бросать свои убогие жилища и итти в ряды борцов за народную волю, за уничтожение того порядка, который для своей выгоды устроили по всей России богатые и знатные.

— Я хочу жить с вами, как брат,—говорил всем Разин, и это стремление к равенству, это отсутствие так всеми ненавидимого чиновничества привлекали к нему народные сердца и народные души.

От Симбирска восстание Разина распространилось, главным образом, по двум направлениям: на запад—по нынешним губерниям Симбирской, Пензенской и Тамбовской и на северо-запад—по Нижегородской губернии.

Один из разиновских отрядов, под начальством Михаила Харитонова, направился к Корсуню, жители которого быстро присоединились к восставшим и вместе с ними пошли по селам и деревням уничтожать помещиков.

Некоторое сопротивление харитоновским отрядам оказал гарнизон города Саранска, но он был быстро разбит, при чем как воевода, так и все приказные люди, как враги народные, были перебиты.

Из Саранска Харитонов отправился к Пензе, жители которой при приближении своих освободителей убили воеводу и с радостью встретили казаков.

Во время пребывания Харитонова в Пензе к нему из Саратова подошел новый отряд революционно настроенных крестьян и казаков под начальством донца Василия Федорова.

Из Пензы, после полной ликвидации там власти богачей и царских слуг, отряд пошел в Наровчат, Нижний-Ломов и другие города и местечки, где население всюду встречало их, как избавителей, и всюду оказывало им всевозможную материальную и военную поддержку.

Другой отряд С. Т. Разина послан из-под Симбирска на Алатырь, Курмыш, Ядрин, Козьмодемьянск и Лысково, которые все быстро перешли на сторону Разина с величайшей радостью.

В это время разиновский отряд, которым командовал атаман Максим Осипов, насчитывал около двадцати тысяч человек, большая часть которых была из русских крестьян, мордвы, черемисов, и только около сотни было донских казаков, товарищей Разина.

Макарьевский Желтоводский монастырь под Нижним оказал отрядам Осипова сопротивление и был взят после приступа.

Все вклады и все имущества частных людей, отданные в монастырь на сохранение, были поделены между восставшими. После взятия монастыря Осипов основал свой стан в селе Мурашкине, куда нижегородцы прислали послов с заявлением, что город будет сдан, а воевода и все приказные люди перебиты.

Это народное сочувствие, эта радость, с какою повсюду встречались отряды Разина, несшие волю измученным и обездоленным, ясно показывают, насколько народным и близким его интересам являлось разиновское восстание, насколько непосредственное революционное движение инстинктивно жило в народной

душе, несмотря на весь тот гнет и все те притеснения, которые приходилось выносить в то время миллионам русских людей.

Пока происходили все эти события в Приволжском крае, брат Степана Тимофеевича Флор поплыл вверх по Дону и напал на Коротояк. Восстание ширилось, народные массы, поняв, что наступил час их борьбы, поднимали восстания в различных местах Московского государства.

Неожиданно вспыхнуло восстание в Чугуеве, на левой стороне Волги, в Галицком уезде. Один из отрядов казаков напал на Унеасу, разбил тюрьму, выпустил арестованных, поднял ряд сел и деревень у уничтожил ряд помещичьих усадеб.

Даже в далеком Соловецком монастыре восстание нашло подходящую почву: казаки были встречены с радостью, они отстранили от власти прежнее духовное начальство и поставили новых людей. Пламя восстания перекатывалось с одного конца страны в другой и везде будило веру в близкое освобождение.

IV.

Размер и характер народного бунта, его успехи, деятельная поддержка его со стороны всех трудовых масс вселяли страх в сердца тогдашних правителей и тогдашних привилегированных классов, которые жестокими мерами хотели терроризировать эти массы, хотели казнями и расправами парализовать в них волю к свободе, стремление к обеспеченной жизни и свободному труду.

Московские воеводы, воспользовавшись неудачей Разина под Симбирском, начали в этом районе без жалости сжигать села и деревни, без разбирательств убивать тысячи людей и многих обращать в рабство. Всего в это время погибло более 100. 000 человек.

Воеводы, ободренные успехом, стремились рядом ударов разбить многочисленные разиновские отряды, внести разложение в их среду.

С севера, востока и юга шли отряды воевод, которые старались окружить отдельные отряды Разина и жестоко уничтожать всех его сторонников. Эти успехи царских слуг об'яснялись отсутствием правильной организации в рядах восставших. Невзирая на жестокое усмирение народ выжидал, что будет дальше, тая свое сочувствие к руководителям восстания.

Один из современников так рисует настроение широких народных масс, порабощенных богатыми и знатными:

„Сторонники Степана Тимофеевича Разина,—пишет этот современник,—возмутили людей боярских и прельстили их прелестью неназисти к боярам: отец на сына, сын на отца, брат на брата, друг на друга выходили с оружием и бились до смерти".

Другой современник так описывал то сочувствие, которое встречали успехи восставших среди трудящихся, терроризированных карательными отрядами воевод:

„Разнесется весть,—пишет один из таких современников,—что восставшие родных людей побили, и люди этому радовались, а скажут только, что родные люди восставших побили, и станут люди унылы лицом и печалятся об их погибели, потому что восставшие говорили им: мы идем бояр бить, а вам, добрым людям, дадим жить многие льготные годы"...

Симбирская катастрофа побила дело освобождения трудящихся, которое у Разина до этого времени шло с таким успехом.

Вера в его силу и его успех стала рассеиваться, и его ряды стали быстро редеть.

Когда он со своими верными казаками пристал к Самаре, самарцы уже не впустили его; то же повторилось и в Саратове, который еще так недавно сдался без боя.

В Царицыне С. Разин пролежал некоторое время, залечивая раны, полученные им в боях под Симбирском

Только зимою с горстью верных донцов и царицынцев он прибыл в Качалинский городок и стал сноситься с Астраханью и Доном, надеясь вновь организовать борьбу с воеводами и помещиками. На Дону атаманом в это время был Корнило Яковлев, являвшийся главою домовитых и зажиточных казаков, враждебно настроенных к сторонникам Разина, торжество идей которого могло лишить их всего богатства.

Беглецы из Москвы, которые раньше составляли главное ядро отрядов Разина, полегли в боях на Волге, буржуазные слои местного населения боялись мести Москвы и вообще всегда сторонились вольнолюбивых разиновских планов, и поэтому все призывы не привлекали более сил в его отряд.

Учитывая, что центр его противников, предводительствуемый Яковлевым, в Черкасске, Разин решил его взять силою и в феврале 1671 года подошел к сильно укрепленному городу, но взять его ему, вследствие недостаточных сил, не удалось, и он возвратился в свой Качалинский городок. Богатые казаки, учитывая опасность со стороны С. Разина и его сторонников, решили действовать против вольнолюбивого атамана энергичными мерами.

Не надеясь на свои силы, они, вопреки своему обычаю, даже решили пригласить к себе на помощь московские войска, которые и были им присланы царем, приказавшим, кроме этого, предать С. Разина анафеме, чтобы тем самым поднять против него темные слои населения Московского государства.

В половине апреля 1671 года казаки подступили к Качалинскому городку, сожгли его до основания и перевешали всех до одного сообщников С. Разина, а его с братом Флором взяли в плен, заковали в кандалы и привезли в Черкасск.

В конце апреля обоих арестованных борцов за народную волю повезли на суд в Москву.

Четвертого июня по Москве распространилась весть, что казаки везут Разина.

Толпы народа высыпали за город смотреть на того, чье имя столько времени было в центре внимания всего русского народа и пробуждало столько надежд в миллионах сердец.

Перед въездом в Москву с Разина сняли его платье, надели на него лохмотья и посадили на телегу с виселицей, к которой приковали цепью его шею, а руки и ноги прикрепили тоже цепями к телеге.

Брат Разина Флор, прикованный цепью за шею к краю телеги, бежал за ней, как собака.

Разин, не взирая на такую ужасную обстановку, следовал со спокойным видом, и тысячи глаз следили за ним с состраданием, потому что одно время ждали и верили, что он придет в Москву, как победитель, и даст миллионам трудящихся свободную жизнь и свободный труд. С. Разина с Флором привезли прямо в земский приказ и начали пытать.

Несмотря на бесчеловечные мучения, в роде прижигания железом, вывертывания рук, литья холодной воды на голову, С. Разин не проронил ни одного слова и все перенес с величайшим самообладанием.

Шестого июня его вместе с братом вывели на лобное место на Красной площади.

По окончании чтения приговора, выслушанного С Разиным со спокойным, гордым видом, палач отрубил ему сначала правую руку по локоть, потом левую ногу по колено.

Разин и при этих страданиях не издал ни одного стона, ни одним звуком не показал, что чувствует боль и мучения.

Когда отрубили голову, туловище Разина рассекли на части и воткнули, как и голову, на колья.

Этой ужасной казнью правящие классы хотели запугать всех кто хотел поднять восстание против этих классов, а народ, ради которого пал в борьбе С. Разин, чувствовал, что погиб его вождь и его защитник, и это чувство выразил в многочисленных песнях.

В одной из таких песен народ так характеризовал свою утрату: „Помутился славный тихий Дон от Черкасска до Черного моря. Помешался весь казачий круг. Атамана боле нет у нас. Нет Степана Тимофеевича, по прозванию Стеньки Разина. Поймали добра-молодца, завязали руки белые, повезли во Каменну-Москву, и на славной Красной площади отрубили буйну голову".

V.

После казни вождя и вдохновителя народное восстание, поднятое Разиным и подавленное жестокими мерами, пошло на убыль, и только в одной Астрахани горсточки борцов за народные права, вдохновляемые идеалами удалого атамана, продолжали неравную борьбу со слугами московского царя.

Атаманом Астрахани после отъезда С. Разина в Симбирск остался Василий Ус с двумя старшинами—Иваном Терским и Федором Шелудяком.

В августе 1670 года, когда стало известно о неудачах С. Разина под Симбирском, митрополит Иосиф, желая поддержать пошатнувшийся авторитет московской власти, стал публично призывать казаков перейти на сторону царя.

Эта контр-революционная деятельность Иосифа вызвала возмущение против него со стороны сторонников Разина и повела к целому ряду оскорблений духовного сторонника московских привилегированных классов.

При получении известий о пленении Разина в Качалинском городке его сторонники в Астрахани решили предпринять ряд мер, которыми надеялись поддержать борьбу, которую одно время так победоносно вели разиновские отряды.

Один из астраханских старшин, помощник Василия Уса, Федор Шелудяк отправился опять к Симбирску, сам Василий Ус остался в Астрахани.

В пути к Симбирску Федор Шелудяк, получив известия о контр-революционной деятельности митрополита Иосифа и князя Семена Львова, решил очистить Астрахань от этой опасности.

Для этого Федор Шелудяк собрал круг, на котором и было решено убить вождей контр-революции.

Чтобы побудить Василия Уса к быстрому исполнению этого постановления круга, в Астрахань были посланы гонцы с известием, что С. Разин захвачен в плен по совету митрополита и князя.

По прибытии посланцев Федора Шелудяка сторонники Разина призвали митрополита на круг и после пытки сбросили его с колокольни и в это же время убили и другого вдохновителя контр-революции, князя Львова. Пока в Астрахани подготовлялись эти события, Федор Шелудяк со своими отрядами, пополненными саратовцами и самарцами, не желавшим мириться с потерей воли, достиг Симбирска и стал брать его приступом.

Первый приступ был отбит правительственными войсками под предводительством Петра Шереметева.

Второй приступ был тоже неудачен вследствие преобладающей численности шереметевских войск.

В конце июня Шереметев сделал вылазку и захватил все военное снаряжение отрядов Шелудяка, что и вынудило их отступить и рассеяться по всей Волге, а сам Федор Шелудяк поспешил в Астрахань, оттуда пришло в это время известие о смерти Василия Уса.

Московское правительство, получив известие об успехах своих войск под Симбирском, решило напрячь все силы для ликвидации столь опасного для него восстания.

На Астрахань был отправлен боярин Иван Милославский с московскими стрельцами и тамбовскими солдатами.

Это ополчение достигло Астрахани в последних числах августа и устроило лагерь выше города, у Болдинского устья.

Надеясь на поддержку крымского хана, восставшие под предводительством Федора Шелудяка решили первые напасть на отряд Милославского, но были отбиты.

После этого Милославский, не решаясь перейти в открытое нападение, решил взять Астрахань измором.

На помощь к Милославскому явился также черкесский князь Каспулат Муцелович, который осадил город с другой стороны.

Три месяца длилась осада, в городе появился недостаток съестных припасов, и часть слабосильных жителей стала тайно перебегать в лагерь Милославского.

В конце ноября Федор Шелудяк вступил в тайные переговоры с Каспулатом Муцеловичем, но тот его вероломно завлек в свой лагерь и задержал.

Пленение Федора Шелудяка внесло панику в ряды борцов за народную волю, и они вынуждены были послать Милославскому заявление о сдаче.

27 ноября отряды Милославского вступили в сдавшийся город.

На первых порах Милославский, получивший огромные взятки, не тронул никого из числа руководителей восстания и даже Федор Шелудяк жил на свободе.

Когда все успокоилось, московское правительство, не могшее забыть успехов восставших и боясь, что оставшиеся в живых вновь поднимут народные массы на неизбежную борьбу за волю и землю, послало летом 1672 года в Астрахань для расправы князя Одоевского.

С его прибытием в Астрахань начались допросы, пытки и казни. Федор Шелудяк и другие главные руководители восстания были повешены, а их сторонники разосланы по разным городам.

Этой расправой было окончательно подавлено восстание, руководителем и вдохновителем которого был С. Т. Разин.

VI.

Два с половиной века прошло с тех пор, как прокатилась по Руси гроза разиновского восстания, но народная память продолжает хранить воспоминания о ней; она, питая воодушевлением народные сердца, пробуждает отвагу в малодушных, зовет на новые подвиги храбрых и отважных.

Имя Разина известно всей России, трудящиеся вспоминают его с благодарностью, а народные притеснители—с тревогой и ненавистью.

Жители Волги до сих пор рассказывают об его подвигах, а ряд урочищ на Волге зовется его именем. В одном месте прибрежный курган зовется „Столом Разина“ потому что он там когда-то обедал со своими удалыми товарищами, в другом месте такой же курган называется „Шапкой Разина“, потому что там он, будто бы, когда-то оставил свою шапку.

На север и на юг от Камышина и Царицына, на нагорном берегу Волги, высится ряд бугров, которые до сих пор называются разиновскими курганами, и каждый из них связан с каким-нибудь случаем из жизни удалого атамана.

Эта память о Разине, бережно хранящаяся в народной душе, говорит о том, насколько близок и дорог был Разин народу, насколько его дело, его борьба были делом трудового народа, его борьбой за освобождение.

Разин, как вождь и вдохновитель движения, был ярким и сильным выразителем того революционного настроения широких трудовых масс, которое в достаточной мере созрело в эту эпоху среди угнетенных и порабощенных классов тогдашней России. Ст. Разин, как пелось в одной из песен:

Астраханским купчикам не кланяется,
Господам да боярам челом не бьет,
Астраханскому воеводе под суд не идет.

Постоянная упорная борьба, постоянные опасности закалили Разина, сделали его характер стальным, богатырем воли и действия, что являлось вполне достаточным для того, чтобы исстрадавшиеся от гнета народные массы поверили в него и по-

шли за ним на упорную и таящую много опасностей, но и много радостей борьбу.

Разин, вышедший из самых недр народной жизни, на себе испытавший всю тяжесть неволи, всю горечь помещичье-боярской власти, являлся выразителем не только своей воли, но и воли всех порабощенных и угнетенных Русской земли; он видел, что пришло время, когда можно и должно начать борьбу за вольную-волюшку, когда можно и должно всех людей сделать братьями.

„Здравствуйте, братья,—приветствовал однажды Разин высланных против него стрельцов,—мстите теперь вашим мучителям, что хуже турок и татар держали вас в неволе; я пришел даровать вам льготы и свободу, вы мне братья и будете так же свободны, как и я, если останетесь мне верны и храбры".

Эти приветствия и призыв производили на обездоленных людей и стосковавшихся по воле потрясающее действие; клич к свободе и братству, раздавшийся со стругов Разина, плывшего вверх по Волге-матушке, гулким и внятным эхом донесся до самых отдаленных уголков Русской земли и заставил затрепетать радостью ожидания сердца „черного люда", разбросанного по городам, селам, деревням и многочисленным вотчинам тогдашней России.

Лозунги добра и пользы народной, понимаемой им, как конфискация имущества богатых классов и разделение этого имущества поровну между всеми неимущими и обездоленными, находили живейший отклик среди тех, кто должен был всю жизнь ради того, чтоб не умереть с голоду, трудиться для тех, чья жизнь была сплошным праздником и беспрерывными развлечениями.

Призыв к справедливому распределению имуществ находил такой горячий отклик в сердцах всех трудящихся на том основании, что народные массы отлично понимали, что эти имущества наживались благодаря их труду, что они фактически принадлежали им, а не тем, кто ими владел, опираясь на силу и на право, выдуманные для того, чтобы держать в неволе и бедности миллионы трудящихся людей.

Стремление Разина к введению повсюду, где он одерживал победы, казацкого устройства вполне совпадало со стремлениями большинства трудящегося народа, для которого в то время казацкий строй жизни являлся образцом вольной жизни по сравнению с тем „застенком", который им создавали бояре и помещики во всем Московском государстве.

Казацкий круг, как высшая власть, с выборными атаманом, есаулом, сотниками и десятниками, который вводился Разиным во всех отбитых у бояр городах, вызывал народную радость, потому что он осуществлял подлинную волю трудящихся, освобожденных от тяжелых налоговых повинностей, от произвола и издевательства приказно-воеводского управления, от притеснения богачами и купцами.

Этот казачий круг нес освобождение боярским людям и крестьянам от холопской и крепостной зависимости, нес свободу всем попавшим под тот или другой гнет в боярско-владельческом царстве.

Оттого-то так и всколыхнулась вся Русь, что Разин сумел понять народные страдания и народные стремления и сделать из этого соответствующий вывод о необходимости решительной борьбы. Для осуществления вольного устройства Разин и предпринял в широких размерах истребление бояр, дворян, детей боярских, приказных и вообще всяких начальников, потому что они не только являлись врагами народа, но и могли впоследствии, как это действительно и случилось, организовать борьбу с Разиным для возвращения своих привиллегий и прав.

Эти действия Разина служат лучшим доказательством того, что восстание Разина было не мимолетной вспышкой озлобленных несправедливостями отдельных групп трудового русского народа, а имело характер планомерной борьбы неимущих с имущими, рабов со своими поработителями.

Это было подлинное народное восстание, которое не удалось вследствие неорганизованности, но которое имело глубокие корни в народной душе и народной психике.

Оно показало миллионам трудящихся, что у них есть только один путь к свободе,—это путь борьбы, что только идя этим путем, можно отнять власть у богатых и знатных и можно всех сделать свободными и равными.

Больше двухсот лет прошло с тех пор, как „стружки" Разина бороздили широкие просторы Волги-матушки и тихого вольного Дона, а народ все помнит о нем. Пройдет и еще столько же лет, а память о нем не исчезнет, потому что народная душа и народная память не могут забыть тех, кто пал за ее свободу, кто звал к этой свободе и кто в одну из тяжелых эпох русской жизни не побоялся поднять знамя борьбы за освобождение и кто сумел это знамя пронести победно чуть ли не через всю тогдашнюю Россию, от астраханских берегов до берегов холодного Северного моря.

Разин сумел зажечь народные сердца ненавистью к произволу и рабству, сумел разбудить народную беззаветную удаль и силу:

Мы веслом махнем, — корабль возьмем,
Кистенем махнем,—караван собьем,

которые, невзирая на все казни господствующих классов, сумели поддержать в народе энергию борьбы, жажду свободы, которая все время пылала в народной душе и давала трудовым массам то упорство и ту стойкость в отстаивании своих интересов, которые и привели через много-много десятков лет к желанной свободе и поставили русский трудовой народ во главе борьбы за мировую революцию, за торжество коммунистического строя жизни во всем мире.

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

БИБЛИОТЕКА ИНСТИТУТА ЛЕНИНИЗМА

13-я типография М. Г. С. Н. Х. Петровка, 17.

Цена 3 руб.

Никем из книгопродавцев указанная на книге цена не может быть повышена.
Государственное Книгоиздательство.

Государственное Издательство
Москва, 1920 г.